

АВМ

ВЛАДИКАВКАЗСКІА ЕПАРХІАЛНАЯ ВЪДОЖОСТИ

ГОДЪ Выходятъ два раза въ мѣсяць. 10-й.

Подписка принимается въ редак- ціи, при Владикавказскомъ духов- номъ училищѣ.	Цѣна за годовое изданіе 5 рублей съ пересылкой.
---	---

№ 10-й.	15-го мая.	1903.
---------	------------	-------

Часть официальная.

Распоряженіа Святѣйшаго Синода.

Согласно ходатайству Его Преосвященства и заключенію Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ: назначить причту церкви при колоніи для про- каженныхъ, возлѣ Александрійской станицы, Пятигорскаго отдѣла, Терской области, ежегодное пособіе, въ размѣрѣ трехсотъ руб., въ томъ числѣ священнику 200 руб. и псаломщику 100 руб., съ отне-

сеніемъ этого расхода съ 1 января текущаго года, на счетъ суммъ „на усиленіе средствъ содержанія городского и сельскаго духовенства“. (Отд. VI спеціальной смѣты Святѣйшаго Синода).

Согласно ходатайству Его Преосвященства и заключенію Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ: назначить на содержаніе причта станицы Слѣпцовской по *восемисотъ пятидесяти руб. въ годъ*, въ томъ числѣ двумъ священникамъ по 300 р. каждому, діакону 150 р. и псаломщику 100 р., съ отнесеніемъ этого расхода, съ 1 января текущаго года, на счетъ кредита, ассигнуемаго изъ казны по пар. 6 ст. 1 финансовой смѣты Святѣйшаго Синода.

Согласно ходатайству Его Преосвященства и заключенію Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ назначить съ 1-го января текущаго года причту Владикавказскаго Кафедрального собора добавочное содержаніе въ размѣрѣ: протоіерею 300 р., ключарю 250 р., двумъ священникамъ и протоіакону по 200 р., діакону 175 р., двумъ иподіаконамъ по 150 р. и тремъ псаломщикамъ по 75 руб.

Согласно ходатайству Его Преосвященства, Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ: поручить Хозяйственному Управленію изготовить и выслать для Владикавказскаго Кафедрального собора и пяти приходскихъ церквей гор. Владикавказа, а также для архіерейской домовоі въ названномъ гор. церкви, предметы церковной ризницы, всего на сумму *тысяча четыреста двадцать два р. 31 к.* съ отнесеніемъ сего расхода, а равно издержекъ по укупоркѣ и пересылкѣ всѣхъ сихъ вещей по назначенію, на счетъ кредита, ассигнованнаго по капиталу на сооруженіе и содержаніе бѣднѣйшихъ православныхъ церквей въ Имперіи (Отд. IX пар. I спеціальной смѣты Святѣйшаго Синода).

Награды отъ епархіального начальства.

Его Пресвященствомъ награждены скуфьею священники: сел. Михайловскаго Стефанъ *Замятинъ*, ст. Незлобной Александръ *Кедровъ-Полянскій*, ст. Прохладной Димитрій *Кузнецовъ*, ст. Галюгаевской Павелъ *Смирницкій*, ст. Курской Николай *Лавровъ*, ст. Бороздинской Николай *Дигуровъ*, Грозненскаго собора Владимиръ *Рождественскій* и сел. Вольно-Христіанскаго Александръ *Цаголовъ*. Набедренниками: Священникъ Греческой церкви гор. Владикавказа Аристидъ *Кукулуди*, Георгіевскаго женскаго монастыря церкви Петръ *Кондратовъ*, Духосошестввенской церкви г. Моздока Михаилъ *Константиновскій*, ст. Терской Алексѣй *Сасыкинъ*, ст. Щедринской Михаилъ *Поповъ*, ст. Заганъ-Юртовской Димитрій *Грузиненко*, сел. Бесланъ Харлампій *Цомаевъ*, сел. Даргавсъ Илія *Гахокидзе* и ст. Ардонской Александръ *Грушевскій*.

Отъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

СПИСОКЪ вакантныхъ просфорническихъ мѣстъ.

	Наименованіе станицъ.	Жалованья по должности просфорни.		Дохода отъ продажи просфоръ.	
		Рубли.	К.	Рубли.	К.
1	Въ ст. Пришибской	30	—	30	—

О перемѣнахъ по службѣ.

Назначень 27-го апрѣля Богаевъ псаломщикомъ къ церкви селенія Лисри.

Вакантныя мѣста: а) *Священническія*: 1) при церкви ст. Мекенской; 2) при церкви Цейскаго прихода; 3) при церкви Ново-Урух-

скаго прихода; 4) при соборѣ гор. Грознаго; 6) *Псаломщическія*: 1) при Духосошественской церкви г. Моздока; 2) при Кафедральномъ соборѣ г. Владикавказа, 3) при соборной церкви г. Кизляра; 4) при церкви ст. Ново-Гладковской и 5) 2-я вакансія при церкви станицы Горячеводской.

Редакторъ оффиціальной части.

Секретарь Консистеріи А. Филипповскій.

Доходы отъ продажъ и профитовъ	Выдаваемые стипендіи	Число учащихся	Число преподавателей
30	30	30	30

ВЛАДИКАВКАЗСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 10.

15-го мая.

1903.

Часть неофициальная.

Отцы и дѣти русскаго духовенства.

Наше православно-русское духовенство такъ близко стоитъ къ народу и представляетъ собой такую крупную, живую силу въ созданіи его быта, что не коснуться духовенства, изображая народную жизнь, почти невозможно. Его вліяніе на народъ, на народныя нравы, обычаи, на самый складъ народныхъ воззрѣній, отмѣчалось всегда и вездѣ. И если справедливо, что свѣторусская земля строилась и собиралась воедино вѣрой православной, — то справедливо и то, что не малое участіе въ этой созидательной работѣ выпало на долю нашего духовенства. Въ его нѣдрахъ всегда хранился неприкосновеннымъ тотъ высокій, чистый христіанскій идеалъ семейнаго и общественнаго быта, во имя котораго и совершалось братское объединеніе разрозненныхъ, но родственныхъ элементовъ на Св. Руси. Сильное сознаниемъ этого идеала, духовенство увѣренно поднимало свой учительный голосъ, — и, такъ сказать, подъ громкій камертонъ его, слагались у насъ тѣ устои народной жизни, которыми русская земля живетъ еще до сихъ поръ. Въ этомъ смыслѣ государственныя заслуги духовенства велики и несомнѣнны.

Но ни время, ни послѣдующія обстоятельства не сдвинули духовенства съ его исторической позиціи. Оно и доселѣ продолжаетъ оставаться незамѣнимымъ свѣточемъ для нашего добраго, простого

русскаго народа И доселѣ его пастырское вліяніе разбѣгается незримыми путями по всѣмъ жизненнымъ артеріямъ нашего громаднаго народнаго тѣла

Правда, за послѣднее время такъ называемая интеллигенція, по видимому, оторвалась отъ корней самобытной русской жизни, вмѣстѣ съ этимъ она утратила прежнюю связь съ духовенствомъ и даже выродилась для него какъ будто во враждебную силу... Но наши народныя массы, которыми собственно живетъ и питается Русь, еще жадно и внимательно прислушиваются къ голосу пастырей церкви. Живя боже о боже съ духовенствомъ, онѣ даютъ широкій доступъ его пастырскому вліянію въ свое народное сердце. И въ этомъ отношеніи приходится наблюдать часто поразительныя картины. Онѣ-то всего краснорѣчивѣе и доказываютъ намъ, насколько еще глубока и жизненна связь духовенства съ народомъ.

Достаточно бываетъ священнику хоть нѣсколько приблизиться къ типу евангельскаго пастыря, чтобы значеніе его сразу поднялось, вліяніе выросло, охватило весь приходъ и убѣжденное слово получило небывалую силу. Такой пастырь безъ труда уже беретъ въ свои руки всѣ сокровенныя нити народной жизни и увѣренно направляетъ народъ на путь христіанской правды и православно-русскихъ идеаловъ. Не въ этомъ ли фактѣ такого или иного, но во всякомъ случаѣ необходимаго вліянія пастыря на своихъ пасомыхъ и таятся историческій корень издавней народной, можетъ быть, и черезчуръ откровенной поговорки: «каковъ попъ, таковъ и приходъ»?

Въ виду такого рѣзкаго отпечатка, который кладетъ своей личностью каждый пастырь на приходскую жизнь, становится понятнымъ, почему современная свѣтская литература, старающаяся отображать на своихъ страницахъ духовный складъ и фізіономію русскаго народа, должна была задѣтъ и быть нашего духовенства.

И вотъ въ послѣдніе годы все чаще и чаще начинаютъ появляться въ свѣтскихъ журналахъ повѣсти и рассказы, въ которыхъ съ большей или меньшей полнотой затрогиваются различныя стороны быта и жизни нашего духовенства. Такъ постепенно накопилась цѣлая литература по данному вопросу, представляющая самый разнообра-

чественный и разноцвѣтный матеріалъ. На основаніи его мы можемъ не только знакомиться съ міромъ православно-русскаго духовенства, но и прослѣдить историческую смѣну въ немъ одного поколѣнія другимъ, — поколѣнія отцовъ поколѣніемъ дѣтей, — и сравнить ихъ между собою.

II.

Вотъ въ романѣ г. Стахѣева «Духа не угашайте» («Русскій Вѣстникъ» 1896 г.) мы знакомимся съ о. Максимомъ, священникомъ хотя и старого, но далеко еще не отжившаго типа. Его внутренній, духовный обликъ обрисовывается у автора такими задумевными чертами...

„Старѣя и ослабѣвая тѣломъ, о. Максимъ былъ бодръ духомъ, характеръ его, какъ въ дни молодости, такъ и теперь, былъ спокойный и ровный, и склонность пошутить, сказать острое, безобидное для другихъ слово, посмѣяться — чаще всего надъ самимъ собою — попрежнему не оставляла его

„Въ дни молодости, по нестяжательности своей и неумѣнью хорошо устраивать житейскія дѣла, онъ, будучи академикомъ, получилъ приходъ въ отдаленномъ и бѣдномъ селѣ и пробылъ тамъ болѣе десяти лѣтъ, пока не былъ замѣченъ самимъ митрополитомъ Филаретомъ, признавшимъ его достойнымъ перевода въ Москву.

«У о. Максима домикъ небольшой, одноэтажный, въ три окна на улицу. Тяжеловѣсная мебель краснаго дерева еще болѣе стѣсняетъ маленькое помѣщеніе, однако чистота вездѣ непримѣрная, на полахъ коврики — дорожки, нѣсколько отцвѣтшіе и пострадавшіе отъ времени, на окнахъ тюлевые занавѣси, въ переднемъ углу, какъ бытъ слѣдуетъ, лампада передъ образами и столикъ-угольникъ съ полочками, заложеными книгами; передъ диваномъ — большой круглый столъ, покрытый визаной бѣлой скатертью; въ растворенную дверь сосѣдней комнаты видны тоже образа въ углу и горящая лампада.

Вдовый самъ, о. Максимъ пріютилъ у себя и овдовѣвшую дочь съ ея малыми дѣтьми, которыя наполняютъ домъ шумомъ и гамомъ.

Интересы прихожанъ всегда находятъ въ отзывчивомъ сердцѣ о.

Максима самый живой отклик. Но особенно влияние личности пастыря сказывается на охранении порядков семейного быта. Когда в чьей-либо семьѣ возникаютъ нелады, ссоры, о Максимѣ является въ роли посредника и миротворца“.

Нѣсколько сходными чертами, но съ большей опредѣленностью очерченъ нравственный обликъ другого пастыря — о. Андрея, въ повѣсти г. Данилова: „По новому пути“.

Эта повѣсть переноситъ читателя въ одинъ изъ захолустныхъ городковъ въ нашей глухой провинціи. Жизнь тамъ идетъ безъ особенныхъ потрясеній, ровной полосой. Каждый шагъ ея размѣренъ, рассчитанъ. Правда, спокойное теченіе жизни иногда чѣмъ-нибудь возмущается и здѣсь, но рѣзкихъ отклоненій отъ него никогда не бываетъ. Обыкновенно среди такой жизни создаются характеры стойкіе, убѣжденные, безъ развѣдающаго анализа и рефлексіи съ твердыми, увѣренными взглядами на міръ, на людей и на отношенія къ нимъ. Словъ нѣтъ, ихъ міросозерцаніе не отличается сложностью. Ихъ мысли не перелетаютъ за границы тѣхъ интересовъ, которые волнуютъ мѣстное обывательское общество. На все они глядятъ очень просто, можетъ быть, иногда даже черезчуръ просто. Но при всемъ томъ это натуры цѣлостныя, строгія къ себѣ и другимъ, вѣрующія глубоко и страстно, безъ той внутренней язвы, что называется сомнѣніемъ.

Все это мы замѣчаемъ и въ личности о. Андрея.

«Это бымъ невысокій, видный человекъ, еще не старый, хотя въ длинной, темной его бородѣ была уже сильная просѣдь. Въ манерахъ его выржалось своеобразное достоинство, особенно когда онъ, выходя куда-нибудь, нѣсколько въ бокъ вскидывалъ голову, точно чтобы поправить длинные волосы, которые въ свое время у него были очень хороши. Онъ говорилъ медленно, но очень звучно и ясно, точно стараясь овладѣть всѣмъ вниманіемъ того, къ кому обращался, и благосклонный его взглядъ бывалъ иногда такъ присталепъ, что отъ него неловко становилось. Онъ прошелъ суровую жизненную школу и много видалъ на своемъ вѣку“.

Религіозное чувство въ душѣ о. Андрея, повидимому, било ключемъ. «Когда онъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ слу-

жить обѣдно, его за сутки трясла лихорадка при мысли объ этомъ: онъ не спалъ ночь. Предъ алтаремъ онъ стоялъ дрожа и пламенѣя; слезы катились изъ его глазъ отъ страха и радости, и онъ не замѣчалъ ихъ».

Правда, это бурное влѣкотеаніе религіознаго чувства, охватившее на первыхъ порахъ неземнымъ восторгомъ всю душу о. Андрея, съ теченіемъ времени какъ бы улеглось, приняло болѣе спокойныя формы и продолжало бить уже ровной струей изъ родника его сердца. Но «и потомъ иногда, при его послѣдующемъ служеніи, воспоминаніе объ этомъ первомъ мерцало передъ нимъ не всегда достигаемымъ, таинственнымъ счастіемъ».

Такой же цѣлиной души поражаетъ читателя и о. Теофиль, одно изъ главныхъ лицъ романа Марка Басанина: «Новоселковское кладбище». Но если въ характерѣ о. Андрея болѣе развита была религіозно-мистическая сторона, то всѣ порывы о. Теофила ушли почти всецѣло на дѣло христіанской дѣятельной любви, на самое тѣсное, отеческое и искреннее общеніе съ объектами этой любви. Схоронивъ жену и троихъ дѣтей, о. Теофиль долго грустилъ и печалился и не могъ утѣшиться... «И только тогда успокоился, — рассказывалъ онъ своему діакону, — когда смягчилось сердце мое и умудрился умъ мой, и я понялъ, что всѣ люди добрые и братья мнѣ, и дѣти всѣ — мои дѣти». Дѣтей же любилъ нѣжно и, не приласкавъ, не пройдетъ, бывало, мимо. Котораго увидитъ въ лохмотьяхъ, того одѣнетъ; который голоденъ — накормитъ, а въ карманахъ у него въ подрясникѣ всегда водились бублики и сласти для ребятишекъ. Доходы свои онъ распредѣлялъ такъ: малую часть бралъ себѣ, сколько на прожитіе нужно, а остальное дѣлилъ пополамъ. Половину клалъ въ кружку для бѣдныхъ, а другую всю раздавалъ безъ остатка, кому придется, кто попроситъ и сколько у него на тотъ разъ случится».

Очевидно, это былъ пастырь — не столько въ духѣ и силѣ грознаго Хоривскаго пророка, сколько въ духѣ истинно Христовомъ, пастырь, доброе сердце котораго, такъ сказать, все изливалось теплыми струями любви, состраданія и всепрощенія. Это былъ пастырь, никогда не забывшій завѣтовъ своего Божественнаго Пастыреначаль-

ида, Который призывалъ къ себѣ всѣхъ только голосомъ любви и кротости.

Въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ о. Теофиль настолько былъ нѣженъ и деликатенъ, что за все время своего служенія не позволилъ себѣ сдѣлать даже легкаго укора или замѣчанія по адресу сослужащихъ ему низшихъ членовъ причта. Но обаяніе его нравственной личности для послѣднихъ было такъ велико, что діаконы Сила не находить «ни разума, ни краснорѣчія, ни умѣнья, чтобы достойно повѣствовать о столь высокомъ предметѣ» въ своемъ дневникѣ. «Всѣ говорятъ, что Теофиль былъ праведникъ, — пишетъ онъ, — что такого уже не najить, и вообще всѣ хвалили покойнаго. Да и какъ не хвалить? Воистину рѣдкостный былъ человекъ и я, по своему малому разуму, не иначе какъ за святого его почитаю».

Можетъ быть, нѣсколько въ пониженномъ отношеніи къ идеалу, но съ большей жизненной правдой, живостью и колоритностью и такими же мягкими, душевными чертами, обрисовывается типъ стараго священника въ очеркѣ г. Соколова «Послѣ святогъ» («Русск. Обзоръ», января 1897 г.).

Этотъ старецъ такъ сроднился съ своими пастырскими обязанностями, такъ полюбилъ ихъ, что онѣ сдѣлались для него родной стихіей, въ которой онъ чувствовалъ себя такъ же радостно, легко и правильно, какъ рыба въ водѣ. Самый домъ его сдѣлался «домашнею церковью», гдѣ жизнь и порядки мало чѣмъ отличались отъ церковныхъ.

III.

Думается намъ, что мы не нарушимъ общаго тона указанныхъ нами свѣтлыхъ образовъ сельскаго духовенства, взятыхъ не изъ особенно далекаго прошлаго, если въ ряду ихъ поставимъ и образъ о. Михаила, такими мягкими, ласкающими чертами обрисованнаго въ разсказѣ Соловьева-Несмѣлова: «Будеть и преизбудеть».

Особенно трогательна въ о. Михаилѣ нетребовательность въ отношеніи жизненныхъ благъ и полное отсутствіе удивленія тому, что «свои домства, которое любить черезчуръ заботливо заглядывать впередъ и пугается призраками, такъ называемыхъ, «черныхъ дней»». Это чув-

ство у нѣкоторыхъ доходить до полной страсти и часто родить ихъ съ типами «Плюшкинскаго пошиба». Здѣсь же мы наблюдаемъ рѣдкую нестяжательность, соединенную съ самой младенческой простотой и незлобимъ. Но рядомъ съ этимъ насъ поражаетъ и пламенность вѣры о. Михаила, твердость его упованій на волю и милость Божию.

„Не гнѣви Господа, мать, на всѣхъ Онъ на пропитаніе посылаетъ намъ, чего-чего, а хлѣба-то хватаетъ.. Хоть и въ мякинномъ селѣ, какъ зовутъ наше Демкино, послалъ мнѣ Богъ стоять на чредѣ пастырской, а ни одного дня еще не голодали; по праздникамъ и чай пьемъ“. Едва сводя концы съ концами, самъ о. Михаилъ не отказывается въ матеріальной помощи и нуждающимся изъ своихъ прихожанъ. Но присущая его натурѣ скромность кладетъ особую печать и на самую его благотворительность: ею о. Михаилъ не любитъ заниматься гласно. „Приди завтра на разсвѣтъ, когда всѣ еще спятъ, съ мѣшкомъ, — говоритъ онъ мужичку, который жаловался ему на «недохватки» въ хозяйствѣ. Я тебѣ мучки дамъ, самъ, слышишь, дамъ, только смотри, не бормочи объ этомъ... а тамъ что дальше, раскинемъ мыслью, трудись и все будетъ» Но нигдѣ дѣтски праведная, святая душа о. Михаила не сказала съ какой подкупающей искренностью, нигдѣ она не проявилась съ такой кристальной чистотой, какъ въ томъ драматическомъ моментѣ его жизни, когда совершенно неожиданно открылась для него возможность перейти изъ «мякинаго Демкина» въ имѣніе одного князя, на богатый приходъ.

«Премного благодаренъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ онъ князю. Чувствую, что въ матеріальномъ отношеніи въ Полтусовѣ семьѣ моей будетъ хорошо; но смущается духъ мой, что для этихъ матеріальныхъ благъ брошу я прихожанъ моихъ, вѣдь большинство ихъ мною крещены, подросли на моихъ глазахъ, бѣгая вотъ на этихъ улицахъ, мною вѣнчаны, и стариковъ, которыхъ теперь уже много, я захватилъ подростками; иныхъ вѣнчалъ, а сколько напутствовалъ въ иную жизнь и проводилъ на погостъ, все это надо оставить и, знаю, всѣ будутъ огорчены и въ правѣ могутъ сказать: нашъ нестяжательный батюшка пошелъ искать стяжаній и лишнихъ прибытковъ. Мы дѣлились съ нимъ послѣднимъ, любя его, и онъ не оправ-

далъ нашу любовь, Смущается сердце мое!» Чтобы понять и оценить всю высоту и искренность чувства, побудившаго о. Михаила отказаться отъ такого заманчиваго предложенія, какъ переходъ въ князю, надобно знать и самому испытать гнетъ матеріальной необеспеченности, который давилъ прежде наше захолустное духовенство.

Но не смотря на свое незавидное положеніе въ деревнѣ, наши старинные сельскіе батюшки сохраняли въ своей душѣ самую теплую привязанность къ своему тихому деревенскому углу. Городъ съ его богатствомъ, блескомъ и шумомъ не тянулъ ихъ, а напротивъ ужасалъ и отталкивалъ своими поражающими контрастами.

„Господи, какъ страшно живутъ люди!“ — вздыхалъ о. Иванъ, въ разсказѣ М. Сибиряга «Ранній батюшка», знакомясь съ московскою жизнію «Ему приходилось навѣщать и барскія палаты, и купеческія хоромы, а главнымъ образомъ, конечно, подвалы и чердаки, гдѣ ютилась столичная бѣдность, и гдѣ его духовная помощь была особенно нужна. Много онъ насмотрѣлся на своемъ вѣку на деревенскую бѣдность, но это было не то. Тамъ, въ деревнѣ, оставалась какая-нибудь надежда впереди, а здѣсь не было даже завтрашняго дня. Каждый громадный московскій домъ начиналъ казаться о Ивану каменнымъ чудовищемъ, которое давило эту подвальную бѣдность своими богатыми этажами. Какія слезы онъ видѣлъ, какое горе, какую безысходную нужду! И это въ каждомъ домѣ, на каждой улицѣ. А больше всего старика удивляло то, что богатые люди относились къ окружавшей ихъ бѣдности совершенно безучастно».

IV.

Картина жизни духовенства стараго времени была бы далеко неполной, если бы мы ограничились указаніемъ однихъ только положительныхъ типовъ. Бытовыя и общественныя условія, въ которыхъ приходилось жить нашему духовенству, отзывались на большинствѣ его представителей особенно неблагоприятнымъ образомъ. Постоянная нужда своимъ гнетомъ душила въ сельскомъ батюшкѣ самые благородные порывы и стремленія. Отсутствие книгъ и какихъ бы то ни было образовательныхъ средствъ въ конецъ сметало изъ его головы эти послѣдвія скудныхъ познаній, какія выносилъ онъ изъ семинаріи. Сельскій

батюшка какъ-то необходимо, силой самыхъ вещей затягивался въ будничные интересы, впрягался въ обычное крестьянское тягло и под влияніемъ соответственныхъ условій жизни незамѣтно совершалось перерожденіе его въ рядового мужика-крестьянина. Пастырскія обязанности забывались, отодвигались на задній планъ. Вопросы пастырства многихъ даже совѣмъ не волновали, по крайней мѣрѣ меньше, чѣмъ состояніе ожидаемаго урожая.

Но эти типы являются отрицательными лишь въ силу своей пассивности, полного равнодушія къ идеѣ и долгу своего сана. Они — самый естественный и понятный плодъ матеріальной приниженности духовенства. Но рядомъ съ ними и на такой же почвѣ выработывались другіе, еще болѣе отталкивающіе типы. Эти, напротивъ, страдаютъ излишней активностью. Переносъ узко-практической взглядъ на свое служеніе, они очень активно эксплуатируютъ последнее, какъ единственный источникъ наживы. Таковъ напр. Романъ Кратеровъ въ очеркѣ «Неизреченный свѣтъ» («Русское Богатство» 1902 г., май, июль).

Наставляя своего зятя, молодого священника, онъ совѣтуетъ ему «братъ, братъ и братъ, сколько полагается, а не сколько даютъ». У него даже выработана особая система хожденія по приходу въ цѣляхъ получить лишній рубль. «Толковый попъ, рассуждаетъ Кратеровъ, ужъ не пойдетъ изъ двора въ дворъ по порядку, а послѣ обѣдни, пока есть время до вечерни, постарается обойти всѣ богатые дома, а прочіе «таковскіе» отложить до слѣдующаго дня».

Само собою, при такомъ взглядѣ на пастырское служеніе, о призваніи къ нему не могло быть и рѣчи. «У меня призванія нѣтъ», — передразнивая насмѣшливо и гнѣвно повторяетъ слова своего сына о. Аванасій Крестовоздвиженскій въ повѣсти А. В. Круглова: «Веселыя похороны». И не требуется никакого признанія. Что еще выдумалъ? Поступишь — привыкнешь, вотъ тебѣ и призваніе». Неудивительно послѣ этого, что вся дѣятельность такого пастыря сводится къ тому, что онъ только и знаетъ, что строится да увеличиваетъ пашню. Наступитъ зима — скучаетъ и спитъ цѣлые дни».

Переходя къ характеристикѣ духовенства младшаго поколѣнія,

какъ послѣднее изображается въ той же свѣтской литературѣ, мы видимъ, что черты, которыми обрисовываются здѣсь, какъ положительные, такъ и отрицательные типы, нѣсколько иные.

Наше старинное духовенство вообще не отличалось подвижностью и широтою замысла въ своихъ предпріятіяхъ. Если въ рядахъ его встрѣчались достойные пастыри, то они отдавались болѣе созерцательной жизни, Это были пастыри — молитвенники, пастыри — постники, пастыри — ревнители церковныхъ уставовъ и всей вообще церковной дисциплины; но рѣдко, рѣдко пастыри — устроители своихъ приходовъ, пастыри — организаторы. Правда, горѣвшие любовью Христовою, они не могли оставаться равнодушными къ окружающей ихъ нищетѣ и невѣжеству. Ихъ чуткое сердце горячо отзывалось на каждую слезу чужого горя и нужды. Но вслѣдствіе непредпріимчивости, иногда излишней робости и полного отсутствія широкой инициативы, такіе пастыри — свѣтильники не умѣли огнемъ своего сердца зажечь того добраго пожара, который охватилъ бы всю общину, весь приходъ и вызвалъ бы не только личную благотворительность самого пастыря, но и силу болѣе могучую — благотворительность общественную. Не рѣдко батюшка не только былъ далекъ отъ всякаго намѣренія „стричь волну со своихъ овецъ“, но и самъ весь издерживался на окружающую бѣдность. Однако благостояніе его прихожанъ не улучшалось (по пословицѣ: „шиломъ моря не нагрѣешь“) и вокругъ него не создавалось тѣснаго кружка благотворителей. Мы умиляемся добросердечіемъ нестяжательнаго батюшки, — но живой, широкой картины подъема всѣхъ жизненныхъ силъ прихода мы у него не наблюдаемъ.

Напротивъ, лучшіе представители младшаго поколѣнія не ограничиваются тѣмъ, что только сами излучиваются въ подвигахъ христіанской любви и милосердія. Они стараются стать во главѣ цѣлаго движенія, стараются и другихъ поднять на великое дѣло христіанской помощи, являясь такимъ образомъ организаторами общественной благотворительности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ такомъ именно положеніи рисуется предъ нами типъ молодого батюшки въ разсказѣ г-жи Нелидовой: „На ряску“. („Міръ Божій“, 1901 г., ноябрь).

Насталъ голодъ. Одновременно съ нимъ развивается страшная

повальная болѣзнь. «Половину села перебралъ тяжелый недугъ. Хворали и старые, и молодые, и болѣзнь затягивалась надолго». Госкливо и жутко чувствовалось на селѣ. Повсюду развѣтывались картины вопиющей нужды и безпомощности.

Тяжелый, смрадный запахъ наполнялъ воздухъ избъ, топить было нечѣмъ, поэтому тепло старательно сберегалось, и каждая щелка, въ которую могъ проникнуть воздухъ, тщательно затыкалась тряпьемъ и соломой. Больные, ноющіе члены не выносили стужи, и каждый, кто могъ еще карабкаться, забирался на печку и почти не слѣзалъ съ нея. Тихіе, едва слышимые стоны неслись сверху».

Въ такія минуты общаго унынія и упадка духа дорогъ бываетъ человекъ, который своей бодростью и энергіей всюду вноситъ оживленіе, поднимаетъ въ окружающихъ надежду и такъ или иначе старается облегчить ихъ горькую участь.

Такимъ-то общимъ утѣшителемъ и другомъ всѣхъ обездоленныхъ является здѣсь о. Николай. Страданія несчастныхъ глубоко трогаютъ его нѣжную любящую душу. Но онъ не ограничивается только личной благотворительностью. Онъ пишетъ письмо за письмомъ ко власти имущимъ. Много разъ уже просилъ онъ помочь голодающему населенію, облегчить его все возрастающія страданія и не дать погибнуть старикамъ, молодымъ и дѣтямъ отъ голода и болѣзней... «Тяжело пастырю видѣть, какъ гибнетъ стадо его, и не быть въ состояніи помочь ему»,—взывалъ о. Николай къ сердцу людей обезпеченныхъ...

И этотъ страстный призывъ къ милосердію не остался безъ отвѣта. Добрые люди отозвались на крикъ изстрадавшейся души. Въ селѣ была открыта столовая и... картина рѣзко измѣнилась. «Ребятишки повеселѣли и порозовѣли»... Взрослые ободрились, гнетущее настроеніе исчезло... Всѣ чувствовали, что бѣда минуется, проходить...

Въ этой картинкѣ, не выдуманной авторомъ въ своемъ кабинетѣ, а вырванной прямо изъ жизни, пастырь церкви является послыннымъ образомъ Того, Кто звалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, обѣщая успокоить ихъ. (Мѡ. XI, 28, 29).

V.

Съ такимъ же богатимъ запасомъ въ душѣ, но не однихъ „теп-
лыхъ словъ“, а и дѣятельной любви, выступаетъ предъ нами другой
пастырь—о. Лука, дѣйствующее лицо въ повѣсти Гусева: „Первые
шаги“. Когда судьба занесла его въ деревенскую глушь, то „здѣсь,
среди врестьянъ, онъ увидаль нужду, готовую умереть со вздохомъ,
узналъ такую холодную, голодную нищету, которая привела его въ
ужась, въ трепеть. Онъ скоро постигъ всё недостатки и недочеты
деревенской жизни, всю дикость и заброшенность мужичьяго суще-
ствованія“.

Живая народная нужда брѣико захватила любящее сердце добраго
пастыря. Онъ не могъ „ограничиться ролью наставника и проповѣдни-
ка,—ему всюду хотѣлось принести непосредственную, практическую
пользу. Ему и бѣднотѣ хотѣлось помочь, и всякой иной отсталости и
заброшенности мужичьей“.

И дѣйствительно: онъ сдѣлался для своихъ прихожанъ пасты-
ремъ—другомъ, пастыремъ—отцомъ, около котораго всёмъ было свѣтло
и тепло. Это былъ поистинѣ „свѣтильникъ, свѣтлый и горяй“.

Бъ числу такихъ же положительныхъ типовъ изъ среды новаго,
молодого духовенства относится и личность о. Доброклонскаго въ раз-
сказѣ Елеонскаго «Ссора» („Журн. для всѣхъ“, 1900 г., сент.—окт.),
и личность другого скромнаго захолустнаго батюшки въ очеркѣ М. Си-
биряга; „Неразвязанный грѣхъ“. Все это самоотверженные дѣятели
деревни, пастыри, на самомъ дѣлѣ правящіе своимъ стадомъ и пола-
гающіе за него не только молитву, но и душу свою.

Рядомъ съ такими народными пастырями свѣтская беллетристика
указываетъ намъ и на другіе, уже отрицательные, типы молодого ду-
ховенства. Это батюшки—аристократы, усвоившіе себѣ свѣтскія при-
вычки жизни и перенесшіе даже въ свой семейный бытъ тонъ и вкусы
моднаго свѣта. Таковъ напр. о. законоучитель одного столичнаго ин-
ститута въ упомянутомъ нами рассказѣ М. Сибиряга: „Ранній батюшка“.

Сравнивая теперь поколѣвіе „отцовъ“ съ поколѣвіемъ „дѣтей“,
насколько жизнь тѣхъ и другихъ отразилась въ нашей свѣтской ли-

тературѣ, мы замѣчаемъ, что въ средѣ нашего духовенства нарождаются новыя типы пастырей, которые изъ тѣсныхъ рамокъ собственно богослужебной практики все болѣе и болѣе выступаютъ въ широкій кругъ общественно-приходскаго дѣланія. Нароженію такихъ типовъ, конечно, порадуется всѣ, кому дороги интересы Православной Церкви—этого живого тѣла, мощнаго и крѣпкаго взаимодействіемъ своихъ членовъ. И намъ думается: такіе батюшки наиболѣе отвѣчаютъ церковно-народному идеалу православнаго пастыря и ближе другихъ напоминаютъ намъ высочайшій образецъ Единственнаго Добраго Пастыря—Христа. Невольно припоминаются здѣсь прочувственныя слова одного ревнителя дѣятельной любви, сорвавшіяся недавно по невольному поводу съ его наболѣвшаго христіанскаго сердца.

„Вотъ изъ конца въ конецъ, пишетъ онъ, ходитъ по Палестинѣ Нѣкто.. Не знаетъ онъ усталы, — сегодня здѣсь, завтра тамъ. Утромъ— у разслабленнаго, вечеромъ у пѣлаго.. Здѣсь прозрѣлъ слѣпой, тамъ хрому возвращены ноги.. Всюду за Нимъ слезы благодарности и шипѣніе злобы.. Но вотъ ночь.. И Этого, такъ неутомимо работавшаго цѣлый день, мы видимъ гдѣ-нибудь на горѣ.. И Онъ какъ бы летитъ на небо, туда устремлены Его очи.. Тамъ Его сердце.. И скорбь міровая гнететъ Его и, колѣнопреклоненный, Онъ почти бесѣдуетъ съ Отцомъ Своимъ. А не намъ ли оставилъ Этотъ чудный Цѣлитель, Благотворитель, Молитвенникъ великій образъ, чтобы послѣдовали стопамъ Его?“

И, дѣйствительно, пастыри должны не медля вступить на этотъ тяжелый, крестonosный путь служенія своей паствѣ, и идти по нему, взирая на примѣръ „Начальника вѣры и совершителя Іисуса“.. Тогда только между пастыремъ и пасомыми можетъ навсегда сохраниться живая и прочная связь

А современнымъ положеніемъ вещей для такого поворота въ дѣятельности нашего духовенства создается самый благопріятный моментъ.

Новое, знаменательное слово, недавно раздавшееся съ высоты Царскаго Престола, твердо намѣчая дальнѣйшій ходъ внутренняго, гражданскаго благоустройства русской земли, призываетъ пастырей Церкви къ участію въ немъ чрезъ вліяніе не только на духовную,

но и на общественную жизнь их паствы. И это довѣріе Царя къ духовенству, такъ ясно выразившееся въ послѣднемъ манифестѣ, несомнѣнно имѣетъ за собой глубокія историческія основанія. Оно является вполне заслуженнымъ той тысячелѣтнею безкорыстною преданностью, которую на протяженіи всей русской исторіи всегда проявляло наше православное духовенство къ святымъ завѣтамъ родного народа.

Способъ этого участія указанъ здѣсь же: Государь повелѣваетъ „поставить задачу дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ“.

Въ этихъ словахъ манифеста начертана цѣлая программа преобразованія мѣстнаго общественнаго управленія на началахъ истинно-православныхъ и русскихъ. Доселѣ дѣятельность приходскихъ попечительствъ простиралась исключительно на свой приходъ, составлявшій только часть гражданской общественной единицы напр. волости. Чтобы „сблизить общественное управленіе съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ“, потребуется прежде всего сблизить границы гражданского и церковно-приходскаго общества. А такъ какъ въ приходѣ священникъ—наиболѣе вліятельное лицо, онъ же состоитъ непремѣннымъ членомъ, а часто и предѣдателемъ приходскаго попечительства, то его вліяніе на общественныя дѣла прихода несомнѣнно скажется ощутительнымъ и благотворнымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ: возможно ли будетъ тогда столь теперь обычное замѣщеніе общественныхъ должностей неблагонадежными лицами за водку или продажа деревенскимъ кулакамъ подворныхъ участковъ и т. п.?

Подъ вліяніемъ духовныхъ пастырей такія нежелательныя явленія въ общественной жизни крестьянъ постепенно прекратятся, самая близость церкви, подъ крыломъ которой будутъ происходить общественныя собранія, удержитъ отъ безчинствъ и пьянства, безъ которыхъ не обходилось обыкновенно ни одно такое собраніе. Въ то же время и чисто церковная жизнь прихода пойдетъ тогда, нужно надѣяться, болѣе усиленнымъ темпомъ. Теперь приходъ вѣдаетъ очень несложныя дѣла, въ родѣ выбора старосты, сборовъ на церковь и

проч.; члены прихода, принадлежащіе иногда къ разнымъ волостямъ, естественно тянутся въ разныя стороны, встрѣчаются между собою только въ церкви за богослуженіемъ, у нихъ не можетъ создаться общности въ дѣйствіяхъ.

Не потому ли и приходскія попечительства въ большинствѣ доселѣ не проявляли плодотворной дѣятельности? Когда эта искусственно созданная отчужденность сгладится.—приходъ, во главѣ съ своимъ пастыремъ, будетъ дружно работать для улучшенія какъ духовной, такъ и матеріальной своей жизни.

Будемъ надѣяться, что это не останется только свѣтлой, хорошей мечтой. Хочется вѣрить, что наше православнорусское духовенство, всегда такъ живо откликавшееся на призывы, шедшіе съ высоты престола царскаго, останется вѣрнымъ себѣ и въ настоящій разъ. Оно, крѣпче другихъ сохранившее въ себѣ православныя стремленія и упованія, щедро подѣлится богатствомъ своей энергіи и вѣрующей души съ русскимъ народомъ и пойдетъ впередъ, но указанному ему направленію «безъ страха и сомнѣній», пойдетъ «на подвигъ доблестный, святой»...

«Вотъ *Царская рѣчь* прозвучала,—

И всѣ встрепенувшись воспрянули мы,

Почувявъ благое начало».

Да! «Приближается утро»,—скажемъ мы словами пророка Исаи (21, 12), и отъ современнаго духовенства немало зависитъ теперь, чтобы это доброе утро разгорѣлось въ ясный, спокойно сіяющій день.

Моментъ переживается отвѣтственный и великій. Если раньше, часто самые горячіе и искренніе порывы чистаго идеализма охлаждались у «отцовъ» (т. е. старшаго поколѣнія нашего духовенства) отъ столкновенія съ суровой дѣйствительностью, то для «дѣтей» теперь открывается широкое поле ничѣмъ нестѣсняемой, свободной дѣятельности на пользу духовнаго и общественнаго благоустройства нашей дорогой родины. А потому особенно горячо хочется пожелать имъ:

«Богъ вамъ въ помощь, Христовы работнички!

Глубже вамъ вспахивать пашеньку черную,

Шире косой размахнуться провороною,—

Будет большой урожай.

О, помощь ниспосли Ты, Господи, и здѣсь Свою!

Зерно благослови,

Что съѣтъ святель, исполненный любви.

II. Чаудаевскій.

(Пр.-р. Сл. № 7-й).

Религіозныя преступленія по новому уголовному уложенію.

Религія и церковь являются безъ всякаго сомнѣнія однимъ изъ важнѣйшихъ основныхъ государственныхъ и общественныхъ устоевъ, охрана которыхъ отъ преступныхъ посягательствъ должна быть признана одною изъ наиболѣе важныхъ задачъ карательной дѣятельности. Религія охраняется государствомъ, какъ одинъ изъ тѣхъ высшихъ культурныхъ человѣческихъ интересовъ, развитіе которыхъ составляетъ задачу государственной жизни.

Публичный характеръ защищаемыхъ государствомъ религіозныхъ интересовъ объясняетъ, почему религіозныя посягательства преслѣдуются не какъ нападенія на честь и свободу отдѣльныхъ лицъ, страдающихъ отъ этихъ посягательствъ, а въ публичномъ порядкѣ, и почему наказанія за эти посягательства назначаются другія, чѣмъ за посягательства противъ чести частныхъ лицъ.

Въ старину религіозныя преступленія разсматривались, какъ посягательства на самое Божество или на самую вѣру. Но эта точка зрѣнія въ настоящее время оставлена. Религія сама по себѣ недосягаема для посягательствъ; предметомъ ихъ могутъ быть только права религіозныхъ единеній и ихъ членовъ, оскорбляемыхъ въ ихъ наиболѣе дорогихъ убѣжденіяхъ и стѣняемыхъ въ наиболѣе цѣнномъ проявленіи ихъ свободы. Точнѣе говоря, религіозныя преступленія нарушаютъ не вѣру, а тѣ постановленія закона, которыя ее ограждаютъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государственное значеніе религіозныхъ интере-

совъ объясняетъ различную постановку религіозныхъ преступленій въ современныхъ законодательствахъ. Относительная тяжесть, уголовной ихъ наказуемости вполнѣ зависитъ отъ того значенія, какое имѣетъ религія въ данномъ государствѣ, отъ того взаимнаго положенія, какое тамъ занимаютъ отдѣльныя вѣроисповѣданія, и того значенія, которое при дается среди другихъ вѣроисповѣданій господствующей вѣрѣ.

Охрана религіозныхъ интересовъ имѣетъ особенное значеніе у насъ, такъ какъ начала христіанской вѣры и православная церковь для многочисленнаго и разноплеменнаго нашего населенія служатъ источникомъ, изъ котораго это населеніе черпаетъ свои духовныя и нравственныя силы, способствующія его сплоченію въ одно цѣлое.

Новое уголовное уложеніе относится чрезвычайно заботливо къ цѣлесообразному охраненію религіозныхъ вѣрованій и въ особенности православной церкви. Посягательства на постановленія, ограждающія вѣру, занимаютъ въ новомъ кодексѣ первое мѣсто въ ряду отдѣльныхъ преступленій. Самыя карательныя правила новаго уложенія относительно религіозныхъ преступленій отличаются, по сравненію съ дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, болѣе мягкимъ, гуманнымъ отношеніемъ къ преступникамъ. Жестокость уголовныхъ каръ въ примѣненіи къ религіознымъ преступленіямъ приносила, какъ свидѣтельствуетъ историческій опытъ, существенный вредъ. Въ борьбѣ напримѣръ съ совращеніемъ въ различныя секты жестокія кары обыкновенно содѣйствовали развитію сектъ, создавая религіозное мученичество. Между тѣмъ, главнымъ способомъ борьбы съ распространеніемъ различныхъ вѣроученій должно быть орудіе духовное, заключающееся въ силѣ нравственнаго убѣжденія лицъ, посвящающихъ себя миссіонерской дѣятельности. Наконецъ, строгія кары совершенно не соответствуютъ духу христіанскаго милосердія къ согрѣшившимъ и заблуждающимся въ дѣлахъ вѣры.

Новое уложеніе, смягчая суровость дѣйствующихъ карательныхъ мѣръ въ отношеніи лицъ, совершающихъ религіозныя преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваетъ ихъ только тѣми посягательствами, которыя непосредственно направлены противъ постановленій, ограждающихъ вѣру. На этомъ основаніи изъ числа религіозныхъ преступленій новымъ уложеніемъ исключены: лжеприсяга, святотатство, посягатель-

ство на жизнь или телѣсную неприкосновенность духовныхъ лицъ и оскорбленіе ихъ. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ религіозный элементъ является обстоятельствомъ, отягчающимъ отвѣтственность, но вовсе не опредѣляетъ собою существа и свойства самаго преступнаго дѣянія. Такъ на примѣръ, святотатственная кража изъ церкви священнаго предмета составляетъ имущественное преступленіе, а не религіозное; лжеприсяга составляетъ подтвержденіе ложнаго свидѣтельскаго показанія присягою т.-е. преступное искаженіе истины, но не религіозное посягательство и т. п. Именно такое значеніе указанныхъ преступленій и даетъ новое уголовное уложеніе.

Затѣмъ, новое уложеніе устранило совсѣмъ изъ числа уголовно наказуемыхъ дѣяній тѣ предусмотрѣнныя уложеніемъ о наказаніяхъ уклоненія отъ исполненія исключительно церковныхъ постановленій, которыя не влекутъ за собою уголовной кары. Таковы: неисполненіе новообращенными въ православную вѣру лицами устава церкви, уклоненіе православныхъ отъ исповѣди и причащенія Святыхъ Таинъ по нерадѣнію или небрежности и неприведеніе родителями своихъ дѣтей къ исповѣди. Въ новое уложеніе не включено также отпаденіе отъ христіанства въ нехристіанство и отъ православія въ другія христіанскія исповѣданія, которое такимъ образомъ перестаетъ быть преступнымъ дѣяніемъ.

Религіозными преступными посягательствами по новому уложенію признаются: поруганіе и осмѣяніе церкви и религіозныхъ вѣрованій, включая сюда и самое возложеніе хулы на Господа Бога, неисполненіе церковныхъ требованій, признаваемыхъ имѣющими общегражданское значеніе, а именно погребеніе христіанина безъ христіанскаго обряда, нарушеніе уваженія къ усопшимъ, нарушеніе свободы отправленія вѣры, выражающееся въ принужденіи къ выполненію религіознаго дѣйствія или въ воспренятствованіи его выполненія, совращеніе при указанныхъ въ законѣ условіяхъ, проповѣдь лжеученій, принадлежность къ вѣроученіямъ, признаваемымъ нетерпимыми въ государствѣ, и нарушеніе особыхъ постановленій, направленныхъ къ огражденію православной вѣры отъ отвлеченія исповѣдающихъ ее въ другія религіи.

Въ отношеніи совращенія новое уголовное уложеніе основываетъ

свои постановленія на коренномъ, признанномъ основными законами, началъ вѣротерпимости, въ силу котораго всякій въ Россіи можетъ невозбранно исповѣдывать ту вѣру, въ которой онъ рожденъ или которую онъ принялъ. Затѣмъ, такъ какъ и господствующая православная церковь можетъ распространять свое вѣроученіе только мѣрами нравственного воздѣйствія, а не принужденіемъ, то новое уложеніе устанавливаетъ вообще наказуемость всякаго принудительнаго отвлеченія отъ вѣры, а именно совращенія посредствомъ насилія или наказуемой угрозы.

Далѣе, такъ какъ законодательство наше предоставляетъ только православной церкви права убѣждать неприннадлежащихъ къ ней къ принятію ея ученія о вѣрѣ и въ то же время обязываетъ всякую духовную власть и всякое частное лицо какъ инославнаго христіанскаго, такъ и иновѣрнаго исповѣданія не прикасаться въ дѣлахъ вѣры къ убѣжденіямъ совѣсти послѣдователей другихъ вѣръ, то и новое уложеніе признаетъ наказуемымъ совращеніе христіанина въ нехристіанское вѣроисповѣданіе, православнаго въ неправославную христіанскую вѣру, православнаго въ расколоученіе и христіанина, также и не христіанина, въ изувѣрныя секты, при этомъ по отношенію какъ къ принудительному совращенію, такъ и къ совращенію непринудительному уложеніе, примѣняясь къ системѣ дѣйствующаго права, раздѣляетъ виды совращенія, смотря по религіозному характеру того вѣроисповѣданія, въ которое происходитъ совращеніе.

Достоинно вниманія то обстоятельство, что въ отношеніи ненасилственнаго совращенія новое уложеніе обуславливаетъ наказуемость особыми способами воздѣйствія по волю совращаемаго, а именно злоупотребленіемъ властью, принужденіемъ, обольщеніемъ, обѣщаніемъ выгодъ и обманомъ. Въ основѣ такого ограниченія очевидно лежитъ стремленіе, которымъ была проникнута и наша судебная практика по дѣламъ о совращеніяхъ, приурочить уголовную кару только къ случаямъ проявленія совратителемъ злой воли. При иной постановкѣ вопроса о наказуемости совращенія, т. е. при признаніи его преступности безразлично къ способамъ воздѣйствія, пришлось бы карать за простыя бесѣды о религіи, подѣйствовавшія на религіозныя убѣжденія

собесѣдниковъ. Между тѣмъ несправедливо было бы признавать преступникомъ убѣжденнаго въ своей вѣрѣ отца или супруга или даже постороннее лицо за то только, что они искренно высказывали или обнаруживали свои религіозныя убѣжденія.

Новымъ уложеніемъ опредѣлены слѣдующія наказанія: 1) за со-
вращеніе христіанина въ нехристіанство—заключеніе въ исправитель-
номъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ или заключеніе въ крѣ-
пости не свыше того же срока; за такое же насильственное совра-
щеніе—каторгу на срокъ не свыше шести лѣтъ или ссылку на по-
селеніе; 2) за совращеніе православнаго въ инославіе—заключеніе
въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ; за такое же совраще-
ніе съ насиліемъ—ссылку на поселеніе; 3) за совращеніе правосла-
внаго въ расколоученіе или секту—ссылку на поселеніе; за такое же
насильственное совращеніе—ссылку на поселеніе или каторгу на
срокъ не свыше шести лѣтъ; за совращеніе въ изувѣрныя секты, въ
зависимости отъ вредности сектъ, въ которыя совращеніе послѣдова-
ло, и притомъ вообще христіанъ и не христіанъ—каторгу на срокъ
не свыше шести лѣтъ или ссылку на поселеніе въ особо предназна-
ченныя для осужденныхъ мѣстности; 4) за оскорбленіе безъ насилія—
каторгу на срокъ не свыше шести лѣтъ и за оскорбленіе съ насилі-
емъ—каторгу на срокъ не свыше десяти лѣтъ, и наконецъ 5) за со-
вращеніе иновѣрца въ другую не христіанскую вѣру—заключеніе въ
тюрьмѣ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Наряду съ этими карательными правилами слѣдуетъ указать, что
по новому уложенію раскольникъ или сектантъ, виновный въ совер-
шеніи по своимъ обрядамъ крещенія или другой духовной требы, зна-
менующей принятіе въ расколъ или секту, надъ лицомъ завѣдомо
православнымъ или подлежащимъ крещенію по правиламъ церкви пра-
вославной, если онъ не подлежитъ наказанію за совращеніе, нака-
зывается арестомъ. Тому же наказанію подлежитъ раскольникъ или
сектантъ, виновный въ совершеніи другой требы надъ лицомъ, завѣ-
домо во время ея совершенія исповѣдующимъ православную вѣру.

Новое уложеніе устанавливаетъ впервые наказаніе за публичное
оказательство раскола. Законъ 8-го мая 1883 года, дозволившій рас-

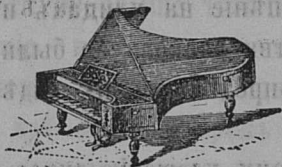

гольникамъ творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ зданіяхъ, воспретилъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякое публичное оказательство раскола, которымъ признаются: 1) Крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ; 2) публичное ношеніе иконъ, за исключеніемъ случаевъ погребенія умершихъ; 3) употребленіе внѣ домовъ, часовень и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній, и 4) раскольничье пѣніе на улицахъ и площадяхъ. Случаи такого публичнаго оказательства раскола не были обложены наказаніемъ, которое новое уложеніе опредѣляетъ въ видѣ денежной пени не свыше трехсотъ рублей.

Остается указать на отвѣтственность по новому уложенію духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе требъ надъ православными. Уложеніе караетъ этихъ лицъ, виновныхъ: 1) въ совершеніи по своимъ обрядамъ надъ завѣдомо православнымъ конфирмаціи, миропомазанія или другого священнодѣйствія, знаменующаго принятіе въ инославную христіанскую вѣру, или въ совершеніи по своимъ обрядамъ или въ допущеніи совершенія крещенія ребенка, завѣдомо подлежащаго крещенію по правиламъ вѣры православной; 2) въ допущеніи къ исповѣди завѣдомо православнаго или въ причащеніи его или въ совершеніи надъ нимъ елеосвященія по обряду своего вѣроисповѣданія; 3) въ преподаваніи катихизиса своего вѣроисповѣданія недостигшему совершеннолѣтія лицу завѣдомо православному, и 4) въ совершеніи брака иновѣрца съ лицомъ завѣдомо православнаго исповѣданія прежде совершенія брака православнымъ священникомъ. За перечисленные проступки виновные подвергаются денежной пенѣ не свыше трехсотъ рублей, а въ нѣготовыхъ случаяхъ сверхъ того удаленію отъ церковной должности на срокъ или навсегда. Наказаніе усиливается до денежной пени не болѣе пятисотъ рублей для духовнаго лица инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, виновнаго 1) въ совершеніи брака между иновѣрцемъ и лицомъ завѣдомо православнымъ, если бракъ потомъ не былъ совершенъ по православному обряду, и 2) въ совершеніи брака между завѣдомо православными. (Н. В. 22 апр. 1903 г.)

Музыкальный магазинъ И. И. Токетуръ

въ Г. Владикавказъ Александровскій просп. домъ Гаджіева.

Имѣется всегда большой выборъ разныхъ музыкальных инструментовъ, какъ то: скрипокъ, гитаръ, мандолинъ, балалаекъ, флейтъ, кларнетовъ, корнетовъ, и т. д. и всѣ принадлежности къ инструментамъ.

ВСЕГДА СВѢЖІЯ СТРУНЫ.

Граммофоны всѣхъ типовъ и громадный выборъ пластинокъ.

Обмѣкъ старыхъ лембракъ на концертные.

Продажа и прокатъ піанино и фисгармоній.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

Абонементъ на ноты.

Гг. иногороднимъ высылаются по желанію наложеннымъ платежемъ.

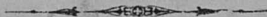
Допускается разсрочка платежа.

СОДЕРЖАНІЕ: **Часть официальная.** 1) Распоряженія Св. Синода. 2) Награды отъ Епархіальнаго начальства. 3) Отъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. 4) О перемѣнахъ по службѣ. **Часть неофициальная.** 1) Отцы и дѣти русскаго духовенства. 2) Религіозныя преступленія по новому уголовному уложенію. 3) Объявленіе.

Редакторъ неофф. части преподаватель
духовнаго училища В. Леонидовъ.

№ 11-й. 1-го іюня. 1903

Часть официальная

Распоряженіе Святѣйшаго Синода.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, вслѣдствіе предложенія Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21-го Марта 1903 года, приказавъ: 1) Объявить, что въ случаѣ необходимости по своимъ должностямъ и званіямъ въ число отрывныхъ приходныхъ священнослужителей могутъ быть привлечены священники и

Печ. разр. 15 Мая 1903 г. Владикавк., Цензоръ Протоіер. К. Александровъ.

Владикавказъ, Тито-лит. и магазинъ канц. прин. З. И. Шувалова. Тел. № 48.